

Он замолчал, а затем резко подался вперед, так что его черты лица оказались прямо перед моими глазами, неестественно увеличившись. Я занервничал; кажется, ему очень нравилось так делать — наши носы почти соприкасались, и я даже боялся дышать.

— Ты, малец, еще тот хитрец. Не проведешь, будем играть постепенно. — Он усмехнулся. Я виновато покачал головой: придется обмануть его ожидания, ведь я всего лишь наивный простак.

Как раз когда мы предавались этому лукавому кокетству, подошла молоденькая сотрудница отеля. Она выглядела обеспокоенной и что-то невнятно забормотала, обращаясь к Цзан Гуаньмо.

До меня дошло:

— Ты, кхе, ну, это, кхе, тот самый, у которого, кхе, нет номера?

Он посмотрел на меня, вскинул брови и, кажется, тоже все понял:

— А я-то думаю, почему голос знакомый... — Он засиял ослепительной улыбкой. — Там кто-то очень громко и с характерным акцентом возмущался, почему он не может делить номер с ним. Я еще из того коридора слышал.

Мое лицо залилось краской — попался, ну попался же!

— Цзяо Цзяо, это ведь был ты? — Он расхохотался. — Не расстраивайся, я тебя удовлетворю.

— Я, кхе, не стоит трудов. Кхе, я уже посмотрел, там, кхе, только на одного. Кхе, тесно, слишком тесно, кхе.

Не слушая моих возражений, он дотащил чемодан до моих ног, а я все продолжал заикаться, не в силах связать и двух слов. Он поднял голову:

— За номер плачу я.

Я надолго замолчал. Мы стояли друг напротив друга, пока сотрудница нетерпеливо не спросила, что мы решили.

И правда, чего тут спрашивать?

— Живее несите багаж этого господина в номер! — Я решил, что как только вернусь, первым делом подключу телефон, закажу международную связь, позвоню в городскую справочную, а потом вымету из холодильника все: фрукты, лапшу, напитки и закуски.

— Заикаться перестал? — Цзан Гуаньмо с довольным видом приблизился ко мне.

Я поднял голову и радостно выпалил:

— Стоит мне обрадоваться, как заикание проходит. Теперь ты знаешь, что делать.

Он с недобрым огоньком в глазах ухмыльнулся:

— Знаю, конечно знаю. Я ведь только что сказал: Цзяо Цзяо, впредь мы будем играть... медленно... и постепенно.

Неисправим. Этот мужик абсолютно неисправим.

В моей голове забили тревожные колокола.

Я печально вздохнул, опустив голову. Пока следил, как носильщик грузит чемодан Цзан Гуаньмо на тележку, я от боли вцепился ему в рукав:

— У нас нет времени играть. Я сегодня переночую, а завтра утром уеду в деревню. Дальше буду любоваться тобой разве что по телевизору. — Мне стало так тоскливо, что чуть слезы не навернулись. — Буду скучать.

— Ты, черт возьми, хоронишь меня, что ли?! — притворно возмутился он. — Кого ты лечишь? Я ведь слышал, что этот... как его... Сексапильный...

— Сексапильный, — вставил я. Если уж придумывать нелепые прозвища, то пусть и другие под них подписываются.

Он довольно усмехнулся:

— Ну да. Слышал, он говорил, что тебя тоже зачислили, — он похлопал меня по плечу. — Повезло тебе, примазался к брату.

— Повезло, повезло, — я согласно закивал. — Но ты же знаешь, я изначально приехал за компанию. Теперь наша братская дружба дала трещину, я точно не пойду.

Он склонил голову набок:

— И я должен тебе поверить?

Я растерянно посмотрел на индикатор лифта, изображая заблудшую душу:

— Только что решил. На самом деле я и анкету заполнил, думал, Лянь Дун остынет и все уладится, но его подавленный вид... Это же мечта всей его жизни, я просто не могу... К тому же я изначально не для этого создан.

Цзан Гуаньмо вдруг разозлился и с презрением бросил:

— Бесхребетный.

Я покачал головой и вздохнул:

— Отчаяние.

Дурак, столько времени прожил в Америке, а такой простофиля — во все верит. Он бросил меня и зашагал прочь, холодно обронив:

— Какое еще отчаяние, к черту? Ты и правда думаешь, что я поверил в этот твой бред? Если ты трус, то я, Цзан Гуаньмо, зря прожил столько лет.

Я замер. Ах, хитрец! Наконец-то достойный соперник, стало интересно.

Я от души рассмеялся, догнал его и обнял за плечи:

— Брат, пойдем поедим.

Он отмахнулся:

— Какой я тебе брат? У меня еще есть чувство собственного достоинства.

Хоть он так и сказал, но ноги сами понесли его вслед за мной на улицу.

— Что будем есть?

— Праздновать! Заранее праздновать! Конечно, что-нибудь получше! — Я вращал глазами, надеясь, что он предложит оплатить счет, но не успел я и рта открыть, как услышал:

— Идет. Раз ты угощаешь в счет оплаты за номер, веди.

— ...Хороший обед в коробочке, — мой язык запнулся, и я поспешно добавил последние слова.

Цзан Гуаньмо презрительно хмыкнул носом. Я разозлился — скромность добродетель! К тому же сейчас к таким обедам дают бесплатные фрукты, это выгодно!

На улице еще было светло, но в воздухе уже разливались сумерки, дул легкий, свежий ветерок. Мы шли, болтая о пустяках, и это было приятно.

Наши игры разума продолжались — где-то в шутку, где-то всерьез, и этот процесс узнавания друг друга был таким манящим и интересным.

Его прошлое, происхождение, жизненный опыт — мне это было неинтересно. Мы из разных миров, даже услышав, я бы вряд ли понял.

Он шел рядом, его походка была особенной, ритмичной, и меня это завораживало. Стоило представить, что отныне этот человек будет бороться, искать, страдать и терять, побеждать и приобретать вместе со мной — это казалось чем-то невероятным.

Улица была тихой и элегантной, с домами во французском стиле, вдоль дороги тянулись черные кованые ограды и выглядывали из-за стен кроны платанов.

Он сказал:

— Цзяо Цзяо, от тебя пахнет чем-то очень приятным.

Я ответил:

— Только что принял душ, это запах геля для душа.

Он сморщил нос:

— Не похоже. Только от тебя исходит такой особенный аромат.

Я сделал вид, что не услышал, и промолчал. Когда мы проходили мимо торгового центра, в огромном стекле отразилось мое лицо, перекошенное от попытки сдержать глупую улыбку.

Он не удержался и засмеялся, глядя на меня:

— Что за вид такой? Любой комплимент за чистую монету принимаешь? Завтра продам тебя.

Я сказал:

— Брат, если будешь продавать, заломи цену повыше.

Мы шли без цели, глазели по сторонам. Откуда-то доносилась музыка — должно быть, маленький магазинчик аудиокассет крутил диск, что-то западное. Цзан Гуаньмо тихонько запел, пробормотав серию лихого рэпа. Я был потрясен:

— Круто! Я обожаю стиль Чжоу Ли.

Цзан Гуаньмо презрительно скривил губы:

— Это потому, что ты не слушал настоящую музыку черных. Чжоу Ли — это так, фальшивка.

Я не стал спорить. Во мне проснулся пылкий юноша, и, войдя в раж, я начал приплясывать прямо посреди улицы:

— Хэн-хэн-ха-си, я использую только нунчаки, хэн-хэн-ха-си!

Цзан Гуаньмо схватил меня за шиворот, как мешок с рисом, и потащил в тот магазинчик:

— Чему только не учишься, один в один как мой сын.

— Что значит — один в один? — Я сразу пожалел об этом вопросе, глупее некуда.

Разумеется, он прищурился:

— Как питомец.

Магазин оказался довольно большим, стеллажи с дисками стояли ровными рядами. Цзан Гуаньмо ворвался внутрь, ослепительный, как солнце. Я подыграл ему, прикрыв глаза рукой. Хозяин, парень немногим старше нас, окинул нас взглядом, принял за мешков с деньгами и начал услужливо суетиться, спрашивая, что нам нужно. Цзан Гуаньмо огляделся, опустил уголки губ и бросил:

— Пиратские копии.

Лицо хозяина вытянулось, стало бледным как лист. Я вытер пот со лба и побежал к отделу с играми. Цзан Гуаньмо не пошел за мной — через маленькую дверцу можно было попасть в соседний книжный магазин, и он отправился туда притворяться ценителем прекрасного.

Я хотел купить игру, чтобы подразнить Лянь Дуна, но никак не мог найти. Пришлось набраться наглости и спросить продавца. Тот достал из-под прилавка «заначку» и безжизненным голосом пробормотал:

— У меня тут только пиратка.

Я замялся, кивнул в сторону Цзан Гуаньмо и сказал:

— Друг, не обращай на него внимания. Он метис, китайского почти не знает. Когда проходил таможеню, попал на рейд против контрабандистов, там постоянно кричали: пиратка, пиратка. Он запомнил и теперь думает, что это такое приветствие.

Я выбрал еще одну игру для Чжоу Ли, чтобы его приободрить. Продавец, принимая деньги, с сомнением спросил:

— Правда?

Я с трагическим видом кивнул:

— Правда. Обязательно займусь его воспитанием.

Только я это сказал, как раздалось:

— Цзяо... Цзяо! — Ну надо же было ему именно сейчас звать меня! Я тебе что, должен? Цзан

Гуаньмо прибежал из книжного с книгой в руках и с восторгом принялся хлопать меня по плечу: — Цзяо Цзяо, смотри, какое сокровище я нашел!

За спиной хозяин магазина буквально кипел от гнева:

— ...Не знает китайского? Пиратка — это приветствие?

Я облился холодным потом, хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Чудо! Вот она, сила культуры! Он заговорил по-китайски!

Хозяин одарил нас ледяным взглядом и, кажется, готов был схватиться за нож. Я схватил Цзан Гуаньмо и рванул прочь.

Отбежав на приличное расстояние, я наконец спросил, что за книга такая ценная.

Он бережно погладил обложку:

— Тристан и Изольда.

Я нахмурился: имя какое-то длинное. Цзан Гуаньмо медленно шел рядом, его голос звучал низко, передавая радость от исполнения давнего желания:

— Я столько лет искал ее, не думал, что найду здесь перевод.

— О чем история? — Я заложил руки за голову, пританцовывая рядом с ним.

— Тристан был храбрым воином, главным рыцарем короля Марка. В бою он был смертельно отравлен и ушел в изгнание. Его лодка причалила к Ирландии, где его нашла принцесса Изольда. Она собирала травы и лечила его. Когда Тристан вернулся, он узнал, что король Марк хочет взять Изольду в жены, и его отправили за ней. Перед отъездом мать принцессы дала ей любовное зелье: если выпить его вместе, они будут любить друг друга вечно. В пути было невыносимо жарко, они захотели пить и случайно выпили это зелье.

Он рассказывал неторопливо. Я заметил, что, несмотря на «неполноценное» знание языка, он выражался очень емко и красиво. Его профиль в закатных лучах казался нежным и полным энергии, глубокие черты лица словно светились изнутри. В своей повседневной одежде, в этой свежей и загадочной атмосфере он выглядел опасно и притягательно.

По крайней мере, я чувствовал, что соскальзываю в пропасть.

Я хрипло спросил:

— А что было, когда они выпили?

Он повернулся ко мне и твердо ответил:

— Они были обречены любить друг друга.

— ...А.

— Только любить, — повторил он. — Даже если это была запретная любовь, которой не должно было быть. Ни разум, ни воля не могли ее сдержать.

— ...А что было потом? — Я сам удивился, как сильно меня захватила эта история.

— Рыцарский кодекс и статус определили их выбор. Изольда вышла за Марка. Но после свадьбы они не смогли забыть друг друга и в конце концов сбежали, уснув в лесу, держась за руки. Король Марк нашел их, увидел спящих, а между ними — обнаженный меч. Он снял перчатку, повесил на ветку, чтобы закрыть Изольду от луча солнца, и молча ушел. Когда они поняли, что король был здесь, а Изольда не смогла привыкнуть к нищенской жизни, Тристан вернул ее во дворец. После этого он не раз переодевался, чтобы вернуться к ней, лишь бы взглянуть еще раз. Они встречались и расставались снова и снова.

— А в конце? — У меня сжалось сердце.

— В конце Тристан умер от тоски. Когда Изольда приехала, вокруг слышались только плач и рыдания. Она бросилась на тело возлюбленного и умерла от горя.

Он вздохнул, посмотрел на небо, потянулся, подпрыгнул и сорвал лист с платана. «Хлоп» — прилепил мне на лоб и засмеялся:

— Проняло?

— Цзан Гуаньмо, ты так помешан на этой истории? — Я прикрыл рукой лист.

— Хм, помешан. Хорошее слово. — Он прищурился, словно смакуя воспоминания. — Я влюблен в это чувство. Стойкость, верность до конца.

— Даже если это была любовь, которой не должно было быть?

— Разве любовь спрашивает, можно или нельзя, должна или не должна? — Он удивленно посмотрел на меня. — Если полюбил — то до самого конца. Даже если тебя нет рядом, я никогда тебя не забуду. Пока я жив — никогда не отступлюсь.

Он сказал мне это по слогам: «Если полюбил — до самого конца, пока жив — никогда не отступлюсь».

Это был всего лишь закат, солнце не должно было светить так ярко, но он сиял, залитый светом.

У меня защипало глаза.

Он щелкнул меня по лбу, обозвал дураком и зашагал вперед. Не дождавшись, пока я догоню его, нетерпеливо обернулся:

— Цзяо Цзяо!

Я сидел на корточках, обхватив живот.

— Эй, ты чего, Цзяо Цзяо? Цзяо Цзяо? Хватит пугать! — Он заволновался и в два счета оказался рядом.

— Болит, — я выдохнул, с трудом сдерживая резкую боль.

— Где болит? — Он взял меня за подбородок, но я не стал поднимать лицо — если сейчас посмотрю, пути назад уже не будет. — Что ты за упрямый ребенок такой! — Он занервничал, строя из себя старшего. — Живот?

— ...Болит.

— Переголодал? — Он завертелся вокруг, не зная, что делать, и, видя, что я молчу, в отчаянии подставил спину, как жаба. — Залезай, донесу.

Я шмыгнул носом и, поупрямившись, все же вскарабкался ему на спину.

— Держи книгу крепче, не вздумай оставить следы когтей! — рявкнул он. Мне стало так обидно: мне так плохо, а я даже какой-то книги не важнее.

— Что ты ноешь? Кто знает, правда тебе плохо или ты снова строишь козни, у меня от тебя голова кругом. — Он подтолкнул мою руку: — Держись крепче, весишь как свинья, уронишь — лететь тебе далеко.

Я не стал пререкаться — такая редкостная покорность. Цзан Гуаньмо, видимо, настолько привык к моей вредности, что даже смутился. Он завел песню, чтобы меня развлечь, напевая на какой-то нелепый мотив: «Если полюбил — до самого конца. Не рядом, но не забыл. Пока жив — не отступлюсь».

Слух у него был просто ужасный!

Чем дольше я слушал, тем сильнее сжималось сердце, и тем больше ныли глаза.

Подул ветер, и с деревьев посыпались белые лепестки каких-то цветов, засыпая все вокруг. У меня мурашки по коже побежали.

— Не надо было идти за тобой, сворачивать на эту дорогу, — проскрежетал я зубами.

Цзан Гуаньмо удивленно спросил:

— Что не так с этой дорогой? Тут так красиво, самое то.

— Тебе красиво... а я погиб, — я втянул голову в плечи. — Эй, неси меня подольше.

— ...Уже не болит? — Он подозрительно прищурился, делая вид, что хочет меня сбросить.

— Болит, правда болит, — я испуганно вцепился в него.

Бесстыдно прилип к его спине и не хотел слезать.

Мне и правда было больно.

Беда была близко, и у меня больше не осталось сил бежать.

Глава 4. О борьбе

Я верю в одно: человек в этой жизни должен хлебнуть лиха.

Лучше всего — в молодости, ради мечты, чтобы уметь летать.

Находиться рядом с тем самым человеком — либо потому что вы единомышленники, либо потому что вас влечет друг к другу.

Доброта этого чертова иностранца быстро испарилась, и вскоре он начал злиться, что несет меня.

— Папаша Цзяо Юаньбао...

— Чего? — я отозвался полуживым голосом.

Цзан Гуаньмо предупреждающим тоном попытался испытать мою храбрость:

— Все еще хочешь сохранить свои когти?

— Хочу, я же собираюсь стать звездой.

— ...Чертовщина какая-то, — пробормотал он. — Хочешь сохранить когти — веди себя тихо. Не лезь туда, куда не надо.

Что это за разговор, как в порнофильме. Я за этого парня серьезно беспокоился.

Я вздохнул, оправдываясь:

— Просто ткань у твоей одежды приятная. — Я любовно погладил его рукав. — Знаешь, эта вещь хороша, на вид чистый хлопок, а на ощупь как настоящий шелк. Вот сдружимся — попрошу привезти пару штук из Америки. Если он будет настаивать на деньгах, подожду сезонной распродажи, когда «купи один, получи второй в подарок».

— Разумеется. Знаешь, сколько эта вещь стоит?

Он остановился, но я не слез. Мы стояли посреди улицы, выстроившись в позу «У Сун несет тигра». К счастью, прохожих почти не было, только пара седых старичков, гуляющих за руку. Дедушка с любопытством взглянул на нас и начал икать.

— Хм, подумаешь, дорогая, — я решил показать характер. Не первый раз вижу вещи, стоящие кучу денег. — Мой Юаньбао стоит две тысячи триста!

В сущности, эти две тысячи триста были моими кровными, к которым Люй Цю никакого отношения не имел.

Лянь Дун купил трость за двести восемьдесят.

— Стоит как два с половиной твоих сына.

Он сказал это так легко, что я от испуга разжал руки и брякнулся на землю. Он испугался, поспешно обернулся и присел, спрашивая, не больно ли мне.

Кто я такой, чтобы признавать свои промахи? Я сорвал голос, выкрикивая по слогам:

— Е-ще... тер-пи-мо.

Цзан Гуаньмо скривил губы, потер нос, хотел щелкнуть меня по лбу, но сдержался:

— Ты, малец, так любишь деньги, так любишь свое лицо, папаша Юаньбао, настоящее сокровище.

Я не сдержался и расхохотался. Завороженно смотрел на его ослепительный профиль — в лучах заходящего солнца он был прекрасен, как само светило.

Не знаю, сколько я так просидел, пока он не взглянул на меня:

— На что смотришь?

— ...На тебя. — Я на секунду забыл о всякой сдержанности.

— М? — Он оглядел меня. — Ты странный, как можно так пристально смотреть на мужика?

Я побледнел. Он продолжал:

— ...О чем думаешь?

— ...О том, что ты рассказал про Тристана. Кажется, беда близко, и мне не убежать.

— Какой еще Тристан? Это Тристан! Еще раз перепутаешь — побью. Говори, что ты имел в виду. — Его лицо вытянулось, он снова стал похож на того Цзан Гуаньмо с собеседования — сложная смесь чувств, будто я вирус, от которого надо держаться подальше. — Какое тебе дело до истории Тристана? Что значит «беда близко» и «не убежать»? В какую яму ты угодил, из которой не выбраться?

Я поворачивал глазами и сказал, что мы еще не так близки, чтобы я рассказывал все. Не успел договорить, как он язвительно перебил:

— Сколько же у тебя тайн, которые ты вспоминаешь только в критический момент?

Делать было нечего, пришлось признаться в своей слабости. Я объяснял, что я натура чистая и добрая, но мне вечно не верят, а ведь я и правда не могу слушать грустные истории о любви. Стоит услышать — сразу хочется есть, жутко хочется есть, до боли в животе, сил совсем не остается.

— Хочется есть — ешь, я же тебя несу кормить, — он явно не поверил.

— ...Когда я дохожу до такой степени голода, обычная еда кажется мне жидкой кашей. Только такие стейки, очень дорогие... — я вздохнул. — ...Хотя для человека, чьи футболки стоят по пять тысяч, это, наверное, не очень-то и дорого...

Он сидел рядом и хохотал, подпрыгивая на месте, как лягушка, — до колик в животе.

— Цзяо Цзяо, ну как можно так бесстыдно выкручиваться? Мы же договорились — ужин с тебя, ты и платишь.

Я сказал, что живот болит еще сильнее.

Он от смеха потерял равновесие, упал на землю и щелкнул меня по лбу:

— Ты странный человек! Столько странностей, но с тобой и правда весело.

Я в ужасе сказал:

— Только не вздумай испытывать ко мне интерес.

Он помолчал и снова засмеялся, без тени сомнения:

— Цзяо Цзяо, ты такой наивный.

— Попался, дурачок, на мою удочку, да? — я довольно самодовольно усмехнулся.

— Еще неизвестно, кто кого разыграл. — Он оскалился, поднялся, отряхнул брюки и протянул мне руку.

<http://bllate.org/book/21141/2144104>